

Человек

«Меня не надо думать. Меня надо чувствовать»

Вацлав Нижинский глазами его дочери, внучки и автора нового фильма по его дневникам

Мировая премьера «Дневников Вацлава Нижинского» на кинофестивале в Торонто прошла незаметно в тени только что рухнувших нью-йоркских небоскребов, и фильму еще предстоит найти своего зрителя. Его сделал Пол Кокс — известный австралийский режиссер, автор таких картин, как

Вацлав Нижинский в балете «Шехерезада»

Вацлав Нижинский в композиции «Призраки розы»

Валерий КИЧИН

Австралийский Робинзон

В «Винсенте» Пол Кокс проследил связь между письмами Ван Гога к брату Тео и полотнами, пытаясь восстановить ход чувств великого голландца. Полотно сохранилось — их можно увидеть в оригинале. Танца Нижинского больше нет — он ушел вместе с танцовщиком. Кокс здесь поставил перед собой задачу неимоверно более трудную. Обе фигуры объединяет трагизм жизни и творчества. Обостренное, на болевом уровне, восприятие окружающего мира и искусство как единственное средство общения с этим миром. Чувственность, наломанность, видимая болезненность образов. Странная игра ритмами — порывистыми, неориентированными, импульсивными. Отрешенность от всего сущего в финале жизни, напряженная, но хаотичная работа мысли, трагический конец.

Письма Ван Гога читал Джон Херт. Дневники Нижинского читает сэр Дерек Якоби, известный английский актер. В «Винсенте» камера вглядывается в пейзажи, которые волшебным образом превращаются в полотна — в «Нижинском» Кокс пытается разглядеть Россию в контурах Австралии, которые кажутся ему похожими. Я не стал его разублаживать. В обоих фильмах он смог восстановить путь воображения от предмета, человека, пейзажа — к картине живописной или танцевальной. Этот путь извилист, ассоциативен, парадоксален и почти всегда мистичен. Интерьеры дома, заполненного лунатическими фигурами родных и близких Нижинского (мрачным призраком проходит тень Дятлева). Образы природы — олушечья, слившегося с листвой и прахом, светом и тленом. Реконструированные образы хореографических композиций Нижинского — «Послеполуденный отдых фавна», «Призраки розы». Поток сознания, как бред безумца, поражает неожиданной силой и глубиной открытий. Это взгляд наивный и не замутненный стереотипами конъюнктуры. Нижинский утверждал, что он не ум, а чувство во плоти. И это плоть без кожи — обнаженные нервы, кровоточащие мускулы. Он чувствует в себе присутствие Бога, разлитого в природе, в свете и звуке, и даже в тех помехах, которые человечество считает греховными. Он стихийный пантеист.

Кокс сделал кино импрессионистичное, его логика повинуется только хаотической мысли Нижинского. Это кино, мне показалось, выражает столько же его объект, сколько и субъект — самого Пола Кокса. При нашей встрече я в этом убедился. Обрушившийся на меня поток сознания Кокса только казался непоследовательным. В нем выстраи-

вался образ личности, которая богаче и выше сиюминутного и живет в масштабах вечности. Эта личность среди людей одинока, как Робинзон, и она интуитивно ищет в истории культуры себе духовных братьев. Поэтому в нашей беседе Кокс то и дело принимался говорить словами Нижинского — так, что уже нельзя было понять, где цитата, а где его собственное.

Симфония чувств

— Вы уже снимали нечто подобное о Ван Гоге. Почему теперь выбрали Нижинского? — Они оба мне интересны как индивидуальности. Каждый из них в своем искусстве определил его будущее. И оба они в глазах мира — безумцы! Оба своей судьбой выразили правду о жизни. Оба очень близки к сути своего искусства. Оба были феноменальными личностями, абстрагированными от так называемой «жизни масс». Понимаете, я крайне мало испытываю уважения к человечеству в целом. Я уважаю индивидуальность. Когда люди собираются вместе — тут и начинается безумие. Вот эта трагедия в Нью-Йорке — безумие, и она имеет прямое отношение к тому, что уже долго копилось в обществе. Она имеет самое прямое отношение к паранойе, когда каждая страна хочет выстроиться вокруг себя ракетный щит. Вот настоящее безумие! Оно далеко превосходит безумие Ван Гога или Нижинского, которые поверить не могли, как глупы люди. Как они глупы! Ведь на самом деле наш враг — в нас самих. Враг Америки — внутри Америки. Мы пытаемся накрыть Москвитину сеткой, когда все комары уже внутри! Америка ищет террористов по всему свету, а все террористические организации давно уже в самой Америке, и львиная доля денег идет именно оттуда. Все это только доказывает справедливость мысли Нижинского о разрушительности войны и хрупкости мира.

— И поэтому вы сделали лейтмотивом своего фильма кровь?

— Нижинский, как Христос, выдаивал из себя кровь по капле. Он говорил: я болею душой, а не разумом. И еще говорил о коллективном безумии людей, остановив которое может только кровь. Я даже не могу точно сформулировать, о чем фильм. Конечно, он неприличен, но смею думать, что очень традиционное кино. Форма же его напрямую связана с тем, что Нижинский — основатель танца-модерн.

— Как же вы определили жанр такого фильма?

— Думаю, он имеет прямое отношение к танцу, живописи, музыке, скульптуре. Живопись чувств — можно так сказать? Может быть, симфония души, балет душ. Я ощущаю танец Нижинского как чудо — в нем живет дыхание ангелов. Воспринимаю танцевальные па так, словно они изваяны из камня.

Кинга Нижински, режиссер Пол Кокс и Тамара Нижински позируют для «Известий» в Торонто

— Я шел смотреть картину, еще ничего не зная о ее жанре, и, по правде говоря, ожидал увидеть историю этой уникальной жизни.

— И это была бы другая картина. А мне хотелось сосредоточиться на простых истинах, которые стучались в его сердце. О жизни и смерти, чувствах и бесчувствии, разуме и безумии. Конечно, я мог сделать об этом и традиционный фильм, но принял именно такое решение. Еще и потому, что у меня не было денег, чтобы пригласить хоть одну большую звезду. Да я и не хотел этого — никто не смог бы сыграть Нижинского как великого танцовщика. На земле есть только один балетный гений, который конгениален Нижинскому — Барышников. Еще лет пятнадцать назад я не мог бы даже думать о таком фильме без Барышников. Но у меня не было больших денег, и я так и не смог их найти. Вместо этого пригласил 32 танцовщика из разных стран. Я люблю Россию, Америку, Испанию, я все страны люблю, и команду собрал со всей планеты — потому что личность Нижинского всемирна. Мне нужны были те, кто мог передать не только текст танца, но и дух его создателя. В мире глобальной дегуманизации хотелось создать глобальный фильм о гуманизме. И я собрал тех, кому эта идея близка.

— Фильм труден — вас не тревожит его прокатная судьба?

— Да, фильм некоммерческий, и я не знаю, дойдет ли он до экранов. Очень надеюсь показать его на Московском фестивале. Он тяжело делался! Буквально вручную. Мои руки до сих пор плохо слушаются — я возился с устаревшим монтажным оборудованием. Сам, без

помощников, никого не было рядом. Использовал старую немецкую камеру, сделанную еще в 1934-м, — ею снимала Лени Рифеншталь. Мы ее модифицировали, снабдили нужной оптикой. Хотели передать вкус времени даже в технических параметрах съемки. Мои ассистенты обшаривали магазины, где можно найти разный кинематографический антиквариат. Камера жутко тяжелая, однажды она чуть не рухнула, и пытаюсь ее спасти, я сломал руку. Мы таскали с собой этот неподъемный багаж — под 80 килограммов! — и нас постоянно задерживали в аэропорту.

— Нижинский не первая ваша встреча с русским искусством?

— Я всегда очень уважал русское кино. Но вот недавно в США был в одном из университетов — и испытал шок: треть студентов кинофакультета никогда не слышала о Тарковском или Парджанове! Хотя для меня это фигуры базовые, благодаря им я захотел стать кинематографом. А новые студенты этим не интересуются, их волнует только то, что применимо к кассе. Кинематографический мир стал прагматичным и трусливым, оно больше всего боится прогореть и для него существует только коммерция. Когда вы были под коммунистами, вашему кино не нужно было думать о кассе, только так и могли реализоваться такие художники, как Паджанов или Тарковский. Теперь ваше кино освобождается от цензуры партии, но узнало, что такое цензура бабков. В Америке все на свете — бизнес. И кинотворчество тоже. На политическое влияние фильм вы денег не найдете. Независимо от вашей репутации.

— Вы бывали в России?

— Трижды. И мне всегда была непонятна эта всеобщая паранойя насчет коммунистических идей — наверное, я коммунист в душе. Точнее, социалист. Я ненавижу капитализм, он несет в себе зло. Он ставит деньги превыше всего, и они правят миром. Он не оставляет в людях ничего человеческого. Почему коммунизм в России стал библей? Потому что в России индивидуум безумно человечен. Он не думает о благоденствии — он, как говорил Нижинский, думает о душе. Вот чем Нижинский так меня заинтересовал, вот чем он так впечатляет. В России мало говорят о еде, модах и прочих мелочах. Коммунизм подавлял многие человеческие проявления, но душа оставалась чистой. Теперь так заговорили о еде и тоже заразили паранойей.

— Но в России вы могли видеть коммунистическую идею в действии. Вас это тоже впечатляло?

— Да-да, конечно, я видел все признаки подавления свобод. Но индивидуальность людей сохранилась. Люди производили сильное впечатление — они были естественные, в них не было фальши, какую всегда чувствовал в людях Америки. Нижинский часто говорил: «Я люблю Россию и русскую душу». Могли бы повторить от себя.

— Вы бывали в новой России? Стало хуже?

— Да нет, внешне стало лучше. Но ушло что-то важное — ушла та самая индивидуальность.

— Вернемся к вашей картине — как вы реконструировали танцевальные сцены в постановке Нижинского?

— Многие балетные компании мира пытались воспроиз-

дуть его хореографию. Я старался все это смотреть, особенно в русском балете. Но мы и не стремились к абсолютной точности — делали не фильм о танце, а танцевальный фильм. Я понимаю, что кино вышло странное, наверное, в чем-то старомодное — как и сам стиль модерн. Но я не разочарован результатом и сам каждый раз смотрю его с воодушевлением. Потому что понимаю: я не мог бы сделать лучше.

— Что будете делать дальше?

— Искать деньги. Для фильма, который пока только мерещится. В какой-то степени это будет эротический фильм — о плоти, которую нельзя увидеть. Мне ключ к этой загадке дал Нижинский — он в себе соединил чистоту души и плоти. Плоть для него лишь способ выразить себя, свою душу — это идеальный инструмент. Плоть может обманывать, плоть может скрывать боль души — моей, вашей. Кто такой? Кто каждый из нас, в наших чувствах, мыслях, борьбе? Любим человек хочет принадлежать какой-то общности. Мне глубоко трогает, когда люди с гордостью говорят: я — русский! Или: я — грек! Но меня глубоко ранит, когда эта гордость становится спесью, агрессией, когда люди ищут себе врага. Я по натуре всегда был космополитом уязвимым. Но понял, что смысл жизни в том, чтобы постоянно задавать себе вопросы и пытаться на них ответить. И я теперь бродяга, странник. Как Нижинский — он был странником, но всегда чувствовал свои корни. Поэтому он силен... Что у вас такой озадаченный вид? Странно, что я пришел к идее эротического фильма? Знаете, только очень немногие фильмы предлагают правильный подход к эротике! Это ведь совсем не

«обнаженка», как полагают. Это совсем другое.

— Что для вас кино? Писанье, развлечение, способ менять мир?

— Это величайшее изобретение. Это буквально дар всем нам. Оно может изменить мир и не раз это доказывало. Но оно попало в руки врагов. Я считаю Америку врагом. Почему на рейсах китайских или русских авиакомпаний крутят американское кино? 99 процентов фильмов, которые идут на планете, — американские. Но почему все страны мира должны считать себя вторым сортом? Эти глупейшие фильмы приносят миллионы долларов дохода, но в большинстве они развращают зрителей, совершают насилие над человеческим духом. Я хотел бы, чтобы мои дети больше узнали о мире, и поэтому не хочу, чтобы они смотрели только американское кино.

Наследники Нижинского

Тамара, вторая дочь Нижинского, была актрисой театра кукол в Венгрии — училась по методу Сергея Образцова. После событий 1956-го с дочерью Кинга уехала в Монреаль и основала там кукольный театр. Потом переехала в Феникс (США), работала библиотекарем. Уйдя на пенсию, основала Фонд Вацлава и Романы Нижинских и посвятила себя распространению творческого наследия отца. Внучка Нижинского, Кинга, была учительницей музыки, руководила хором и в течение 40 лет была организатором при церкви. Выступает на сцене с моноспектаклем «Мадам Нижински: замужем за богом» — о своей бабушке Романо. Написала книгу о гастрольном туре Нижинского 1916—1917 годов.

Мы встретились после кинопремьеры «Дневников Вацлава Нижинского» в саду отеля «Интерконтинентал» в Торонто.

Тамара: Для нас это фильм необыкновенно важен. Полу Коксу удалось передать в нем главное — суть характера. Не только великого танцовщика, каким был Нижинский, но и личности. Показать осязательно и с огромным уважением.

— Вы хорошо помните отца? Каким он остался в вашей памяти?

— Я жила в Париже с родителями и сестрой. Была совсем мала, потом наведящая его в швейцарском санатории. Несколько месяцев мы жили в Будапеште на вилле моей бабушки, и с отцом я видела во время загорелых прогулок, на маленьких семейных пикниках. Он запомнился мне веселым и озорным, много шутил, был очень искренним и непосредственным на поминал мальчишку. Он не умел вести нормальную чинную беседу, вот как мы сейчас.

— Вам довелось видеть его в танце?

— К сожалению, нет — я родилась позже.

— Но ведь, кажется, сохранились документальные киносъемки. Или я ошибаюсь?

— Вот уже полвека ходят слухи, что где-то есть кинокадры с танцующим Нижинским. Но мы их найти не могли и никогда не видели, хотя поиски шли по всему миру. Шли они и в России, в Петербурге, где он учился. Но я думаю, этих кадров и быть не могло. Дятлев запрещал съемки. Объяснял это тем, что кино было примитивным и не могло передать всю красоту танца. Вот кадры с Павловой и Карсавиной сохранились — разве они дают о них какое-нибудь представление!

— Вы принимали участие в создании фильма?

— Пол послал мне первый вариант сценария еще лет девять назад. И с той поры мы поддерживали контакт. Он навещал нас в Фениксе, внимательно прислушивался к нашим замечаниям и охотно откликался на наши предложения. А год два назад он привлек мою дочь. Кингу к работе над сценарием. И это логично: картина основана на дневниках Нижинского, которые в полном и неотредактированном варианте впервые были изданы в 1995-м во Франции издательством Actes Sud.

Кинга: В фильме использована, конечно, только часть текста, самая драматичная. И не в хронологическом порядке, а согласно логике самого фильма. Я думаю, Пол Кокс потому и счел нужным привлечь меня к работе над сценарием, что хотел взорвать главное — эссенцию авторской мысли. Нижинский начал эти дневники в январе 1919-го, и беззастенчиво писал их неделю за неделей. Дневниками их не считал, называл записной книжкой. Не заботился о пунктуации и правильной грамматической структуре — просто писал, что думает и чувствует, без абзацев, прозой, стихами и даже в форме писем разным людям. Писал по-русски, частично по-польски и по-французски. Получилось четыре записных книжки, оригиналы трех хранятся в библиотеке нью-йоркского Линкольн-Центра, четвертой — в парижском Музее оперы и балета. К моменту окончания дневников Нижинскому был уже поставлен диагноз: психическая болезнь.

Тамара: Он знал, что с ним происходит что-то непоправимое, и боролся. Дневники — диаграмма этой борьбы. Писал очень быстро, потому что хотел успеть зафиксировать все, что думал и чувствовал, — понимал, что скоро уже не сможет. Он был выдающимся хореографом и фактически отцом танца-модерн, его рисунки, его дневники — все это выражало его ощущение мира. Отец писал: «Я поеду в Россию и покажу эту книгу. Я знаю, что меня многие поймут в России». Когда эти дневники вышли на французском, мы были уверены, что следующие издания будут в России. С той поры дневники появились на десяти языках мира. Но не на русском.

Дневники Вацлава Нижинского вышли в Москве в издательстве «Вагриус» год назад.

Галерея. Сюрреалистические образы фильма «Дневники Вацлава Нижинского»

Из дневников Нижинского

Люди заблудились и не могут друг друга понять, а поэтому разделились на партии. Люди думают, что дети нужны только для того, чтобы стать солдатами. Они убивают детей и покрывают землю их прахом. Политика есть смерть. Я не люблю огонь, который разрушает жизни. Я люблю огонь, который дает

тепло. Я люблю Россию. Я люблю Англию. Я люблю Америку. Я люблю Швейцарию. Я люблю Испанию. Я люблю Италию. Я люблю Понию. Я люблю Австралию. Я люблю Китай. Я люблю Африку. Я хочу любить всех. Я люблю землю русскую. Россия чувствует больше всех. Россия мать всем государствам.

Россия любит всех. Россия не политична, Россия любовь. Народ русский есть дитя. Его надо любить и им хорошо управлять.

Я есть человек с ошибками. Я хочу иметь ошибки, а поэтому их ставлю нарочно. Меня не надо думать. Меня надо чувствовать, а через чувство понимать.

И.С.БАХ сквозь призму джаза

Банк ИБК представляет эксклюзивную концертную программу "Музыкальный Олимп" Серия "Изысканный китч" Концерт №1

Трио Жака Лусье "PLAY BACH" (Франция)

20 октября - Москва, Большой зал консерватории
21 октября - Санкт-Петербург, Большой зал филармонии

Организатор - фонд "Музыкальный Олимп"

Справки по тел. (095) 130-2864, (812) 356-6104